

Синь Юаньань, увидев, что она, даже будучи под его контролем, пытается угрожать ему этим неизвестным жетоном, улыбнулся с едва заметной насмешкой и, наклонившись, тихо произнес:

— Наложница, вам лучше говорить тише, иначе, если кто-то услышит или служанки вас заметят, вам придется отвечать за прелюбодеяние с посторонним мужчиной, и никто не сможет вас спасти!

Цзюнь-ши не ожидала, что он не боится, и поняла, что он пришел не ради жетона. В её голове сразу же возникла мысль, и, бросив взгляд на лежащую рядом Гу Чжицзин, она сделала вид, что колеблется, и сказала:

— Кисть приказа находится там...

Синь Юаньань предположил, что она знает, как использовать этот предмет, и, услышав это, внимательно посмотрел на неё. Заметив, как она отводит взгляд, он понял, что что-то не так, но без страха подошел к окну, открыл медный ящик и вынул нефритовую кисть. Внимательно осмотрев её, он аккуратно зажал её в оконной раме и наблюдал, как из кисти вырвался белый дым, устремившийся в темнеющее небо.

Когда белый дым поднялся в небо и рассеялся в тумане, в глазах Цзюнь-ши мелькнула тень. Мужчина в черном, стоявший рядом, подошел и снял серебряную иглу с её шеи. Прежде чем он успел повернуться, он почувствовал холод за спиной, и раздался ледяной голос:

— Кто ты? Почему у тебя жетон Цюнхуа?

Синь Юаньань еще не успел обернуться, чтобы увидеть, кто стоит за его спиной, как заметил, что Цзюнь-ши уже встала и смотрела на него с едва заметным торжеством. Он понял, что этот голос связан с жетоном, и уже собирался повернуться, когда услышал, как голос за его спиной слегка дрогнул, и женский голос, низкий и хриплый, произнес с ноткой сомнения и надежды:

— Неужели ты... сын нашего господина?

Цзюнь-ши, услышав это, инстинктивно хотела что-то сказать, но в этот момент Синь Юаньань резко обернулся и увидел стоящую позади него женщину в белом одеянии и с белой маской на лице. Он с удивлением осмотрел её и крепче сжал жетон:

— Ты только что сказала... господин?

— Твои глаза... — В этот момент женщина увидела лицо Синь Юаньаня и его темно-синие глаза, освещенные лунным светом. Вместо того чтобы разгневаться, как ожидала Цзюнь-ши, и отобрать жетон, она, казалось, поняла что-то и, сделав шаг вперед, поклонилась ему, тихо спросив. — Вы... сын принцессы?

Синь Юаньань, услышав слово «принцесса», изменился в лице. Двадцать лет назад в Великой Ци принцесса из племени чжурчжэней прибыла в Минду и стала наложницей императора. Это была И-фэй, мать Синь Юаньпина и Синь Юаньаня. Тот, кто смог узнать его и назвать принцессой, наверняка был из тех, кто помнил те времена.

Синь Юаньань был одновременно удивлен и сбит с толку, его враждебность немного уменьшилась. Он не заметил, как изменилось лицо Цзюнь-ши, когда женщина назвала его сыном принцессы.

— Принцесса?

Женщина, услышав его вопросительный тон, сняла маску, открыв свое спокойное лицо, и внимательно осмотрела Синь Юаньяня. Через мгновение она с легкой грустью спросила:

— Принцесса Ичжэнь родила близнецов, и у младшего были голубые глаза. Вы — тот Пятый принц?

Синь Юаньянь смотрел на неё с сложными чувствами. Она говорила об И-фэй так спокойно, её лицо было бледным, но в волосах виднелись седые пряди, словно она была уже немолода. Он предположил, что она была одной из тех, кто знал И-фэй в прошлом. Он вспомнил, что Цзюнь-ши служила И-фэй, и у него возник вопрос о происхождении жетона. Как такая простая наложница, как Цзюнь-ши, могла обладать таким могущественным предметом, который привлек человека с такой силой, что он появился без предупреждения, и который знал о прошлом?

Его сомнения только усилились. Большинство сил, которые И-фэй держала в руках перед своей смертью, были переданы ему, но какая связь была между этим жетоном с надписью «Цюнхуа» и этим человеком?

С этими мыслями Синь Юаньянь улыбнулся, и его темно-синие глаза блеснули:

— Принцесса Ичжэнь... вы говорите о моей матери... И-фэй?

Женщина, увидев, что он не знает, была удивлена, но через некоторое время кивнула:

— И-фэй... да, это титул, который дал ей император Великой Ци после того, как она вошла во дворец.

Синь Юаньянь на мгновение замолчал, вспомнив, что его мать не любила упоминать свое имя. Он лишь однажды видел на её веере иероглифы «Ичжэнь». Теперь, услышав это от женщины, он тихо вздохнул:

— Так звали мою мать... Ичжэнь... только сейчас я узнал это...

— Если вы знаете мою мать, даже её настоящее имя, и знаете о нас с братом, и о моих глазах... тогда ваш господин, должно быть, был очень близок с моей матерью?

Синь Юаньянь заметил, как её взгляд стал сложным, и, слегка пошевелив пальцами в рукаве, он указал на Цзюнь-ши, которая уже не могла скрыть свой страх, и с улыбкой спросил:

— Тот, кто был близок с моей матерью, наверняка не был простой наложницей, особенно такой трусливой. Ваш господин, должно быть, не она, верно?

Женщина, услышав это, презрительно посмотрела на Цзюнь-ши, её взгляд был острым, как нож, и явно не питал к ней никакой симпатии. Она взглянула на жетон и, раздраженно фыркнув, сказала:

— Как это возможно? Господин — это господин! Мой господин действительно носил фамилию Цзюнь, но это точно не она!

Затем, не обращая внимания на задумчивый и слегка удивленный взгляд Синь Юаньяня, она указала на Цзюнь-ши и холодно произнесла:

— Она была служанкой моего господина. Когда господин умер после родов, он доверил ей

нашего молодого господина, но она скрыла его личность, и я не могла его найти. Мне пришлось подчиняться её угрозам и оставаться рядом, чтобы защищать её!

Синь Юаньань увидел, как Цзюнь-ши, стоя перед этой женщиной, почти выпрыгнула от страха, и понял, что женщина говорит правду. В тот же момент он вспомнил ушедшего Гу Чжису, его потухшее лицо и яростный спор между ним и Цзюнь-ши, и то, как Цзюнь-ши относилась к нему и Гу Чжицзин по-разному — «Неужели только моя сестра — ваша дочь, а я — нет?!»

Когда Гу Чжису произнес эти слова, в его голосе была скрытая ненависть, но также и облегчение. Синь Юаньань знал, что никогда не забудет это. Теперь, вспоминая отношение Цзюнь-ши и видя, как эта женщина относится к ней, в его голове мелькнула мысль, и он серьезно спросил:

— Ваш молодой господин — это...?

Женщина вздохнула, и на её лице появилось выражение сожаления:

— Тогда Цюнхуа, чтобы защитить господина, бежали в Великую Чжоу, но почти все были тяжело ранены. Эта служанка заставила нас пропустить рождение молодого господина, и когда Цюнхуа полностью выздоровели, прошло несколько лет. Мы верили, что она не обманет нас, но она упорно молчала, и до сих пор мы не знаем, был ли молодой господин мальчиком, девочкой или близнецами, и где он сейчас...

Синь Юаньань, услышав это, почти сразу понял, что даже если Гу Чжису не был тем, кого она называла молодым господином, отношение Цзюнь-ши к нему и то, как она, после его ухода, схватила жетон как спасательный круг, не обращая внимания на него, говорило о том, что Гу Чжису точно не был её сыном.

— ...Это Чжису, правда? — Увидев, как лицо Цзюнь-ши становится все более испуганным, и как она отступает к кровати, словно пытаясь закрыть собой спящую Гу Чжицзин, Синь Юаньань сузил глаза, резко повернулся и, указывая на неё жетоном, холодно произнес. — Молодой господин, о котором она говорит, — это Чжису, да? Чжису... он не твой сын, правда?!

<http://bllate.org/book/16652/1526055>